ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Илья ФОНЯКОВ

ПЯТЬДЕСЯТ ПИСЕМ ИЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЙ ПАПКИ

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Илья ФОНЯКОВ

ПЯТЬДЕСЯТ ПИСЕМ ИЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЙ ПАПКИ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

Новую книгу ленинградского писателя И. Фонякова составляют очерки, посвященные насущным проблемам сегодняшней жизни Нечерноземья. Одна из них — «проблема демографического баланса» между городом и селом. Писатель рассказывает об опыте костромского колхоза «Родина», в адрес которого идут письма из разных областей страны с просьбой принять на работу, знакомит с подсобным хозяйством Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО), островом Пийрисаар на Чудском озере, где бок о бок живут и трудятся русские и эстонские рыбаки.

Ф $\frac{4702010200-079}{М-105(03)82}$ 68—82

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Город и село...

Сколько помню себя, горожанина, столько помню и споры, и разговоры на эту тему. Спорили о том, где жить лучше, где люди сердечнее и отзывчивее, кому у кого учиться надо. Спорили, что нужно делать: стирать грани или ликвидировать существенные различия между этими двумя формами человеческого бытия?

Но каков бы ни был конкретный предмет спора, всегда за ним стояло неизменное неравнодушие к тому, что происходит в деревне, глубокое уважение к сельскому труженику. Все мы помним трудные для нашей страны времена, все мы помним, что для села они были особенно трудны.

«Недавно мы с бригадиром Николаевой вспоминали прошлое, перелистывали ее старые бригадирские записи,— рассказывала за «круглым столом» в совхозе «Алеховщина» Ленинградской области бывший главный агроном этого хозяйства Мария Ивановна Горбачева.— Обычные записи: кто сколько выработал, кто сколько заработал. И подумалось невольно: мы прошли через такие трудности, это никак не должно забыться. Сегодня мы вправе гордиться людьми, которые были с нами рядом. И, может быть, собой немного. Тем, что не дрогнули, не изменили земле, тем, что чувствовали себя причастными ко всем делам и заботам страны. У нынешнего времени — свои проблемы, свои заботы. Пусть и они не забудутся никогда, пусть и бригадирские записи сегодняшнего дня тоже будут когда-нибудь перечитываться с гордостью!»

Слова эти невольно запали в душу — столько в них

было неподдельного благородства и человеческого достоинства! И насчет нашего времени, у которого свои проблемы и заботы — тоже было очень верно сказано. В частности, и взаимоотношения «город — село» приобретают сегодня новые оттенки, новые аспекты.

Вот о них-то и пойдет речь на этих страницах...

ЭЛЕКТРОНИКА И КАРТОШКА

(ЗАМЕТКИ О СПОРНОМ И БЕССПОРНОМ, С ПИСЬМАМИ И ЛИРИЧЕСКИМИ ОТСТУПЛЕНИЯМИ)

1

— Нет, без помощи горожан нам сегодня не обойтись,— решительно сказал директор совхоза.— Скажу откровенно: и в обозримом будущем тоже.

И тем весомее были эти слова, что услышал я их не в каком-то захудалом, запущенном хозяйстве, куда и дороги-то хорошей нет. Наоборот: главный «проспект» совхозного поселка совпадает с шоссе областного значения. Еще недавно пассажиры — новички здешней трассы недоуменно спрашивали друг друга, что это за город, не обозначенный на картах, возникает слева по ходу автобуса. Теперь привыкли, что и деревня может быть многоэтажной. То, что мы называем ликвидацией существенных различий между ними, на глазах обрело конкретные и зримые черты. Новые поселки растут в обстановке непрекращающихся споров: происходящее в сельском хозяйстве по вполне понятным причинам волнует сегодня всех. Сельские «небоскребы» (их особенно много в Ленинградской области, но хватает уже и в других уголках необъятного Нечерноземья) имеют и принципиальных противников и достаточно последовательных сторонников.

Главные аргументы первых:

житель «высотной» деревни в буквальном смысле отрывается от земли, вести личное хозяйство («приусадебным» его уж никак не назвать) становится трудно, почти невозможно, вольно или невольно поощряется тенденция к отказу от него. А отказываться от этого подспорья нам, как показала жизнь, по меньшей мере преждевременно.

Основной довод вторых:

сельскому жителю нужен городской комфорт, только в этом случае можно будет приостановить отток жителей из деревни в города. Конечно, идеальным решением было бы создать такой комфорт в индивидуальном двухэтажном коттедже. Но это — в масштабах страны — пока что неподъемно дорого.

«Я родился в селе, много лет работал сельским учителем,— пишет один из моих корреспондентов,— и уверен: можно сделать так, что люди не только не побегут из деревни, но будут сами стремиться туда из города. Для этого условия жизни в селе должны быть равны городским...»

И далее с чисто профессиональной дотошностью перечисляется, что именно, по мнению автора, входит в эти условия: электрическая проводка — непременно подземная, а не на столбах; холодная и горячая вода — в любом количестве и в любое время, а зимой — центральное отопление; газ, ванна, телефон («хотя бы один автомат на улицу»); автобусное сообщение — хотя бы трижды в день по расписанию; максимальное число этажей — пять. Есть предложения, неожиданные до курьезности: улицы должны быть строго ориентированы с севера на юг и с востока на запад — это для того, чтобы поселки, сливаясь в будущем между собой, «совпадали бы своими улицами». И заканчивает автор оригинально: «Если не сможете предложить мои мысли в пе-

чать, то по крайней мере не выбрасывайте их, а подшейте. У меня вообще привычка опережать события. Через несколько лет эта статья будет вполне хорошей».

Самое забавное здесь то, что не педагог опередил события, а события опередили его. Почти все, о чем он пишет, уже есть в совхозном поселке, о котором идет речь. Почти все компоненты городской жизни, вплоть до очереди на жилье. И при всех плюсах и минусах бесспорно одно: отток людей прекратился. Наоборот: едут в совхоз, едут из разных мест. В том числе и из самого Ленинграда. «Мы уже разборчивыми стали,— сказал директор,— не всякого берем, а только тех, кто по специальности своей нам позарез необходим».

— И все-таки без горожан не обойтись? Ведь парадокс получается!

— Никакой не парадокс, а реальное противоречие жизни,— возразил директор, как раз в эту пору готовившийся к экзамену по философии.— Мы ведь все-таки деревня, хоть и не деревянная, потребность в рабочих руках у нас не постоянная, сезонная. В дни уборки урожая — пик, в зимнее время — спад. Между прочим, во всем мире ведь существует категория сезонных рабочих. В Соединенных Штатах, например, они постепенно мигрируют, по мере созревания урожая, с юга на север. Об их нелегкой жизни написано много, такой путь, безусловно, неприемлем для нас. Но в принципе от сезонного характера сельскохозяйственного производства никуда не денешься. Вот почему завели мы у себя небольшую собственную «промышленность», мастерскую или, вернее, цех: по договору с ленинградской фабрикой «Красное знамя» женщины детские колготки шьют. Город нам — полуфабрикаты, мы — готовую продукцию. Оплата сдельная. А у нас — какой ни на есть оперативный резерв: в случае надобности снимаем наших швейниц с ме-

ста и бросаем их на «узкий» участок: картошку ли копать, овощи ли перебирать...

По моей просьбе мы заглянули в этот цех. В просторной беленой комнате несколько десятков женщин («всего семьдесят, включая надомниц»,— пояснила заведующая), прошедших на фабрике специальное обучение, создавали из присланных заготовок («чулочков» и «клинышков») нехитрые принадлежности детского туалета, являющиеся почему-то безумным дефицитом. «На экспорт в основном работаем! — не без гордости сказали мне.— У нас качество высокое, ручная работа. На нее нынче особый спрос!»

Я уже знал, что аналогичные цехи существуют во многих хозяйствах Ленинградской области. Ни много ни мало — шестнадцать совхозов работают с известной обувной фирмой «Скороход»: шьют из фабричных заготовок тапочки и детские «гусариковые» сандалии. Десять хозяйств кооперируются с Ленинградским оптико-механическим объединением (ЛОМО), выполняя в своих промышленных цехах порой достаточно тонкие операции. Социологи констатируют, что развитие подобного рода подсобных предприятий в селе «приводит к значительному росту производительности труда, сокращает текучесть кадров и положительно стабилизирует половозрастной состав жителей села», что их существование — «новое слово в деле сближения города и деревни, социалистического сельского хозяйства и государственной промышленности, класса крестьянства и рабочего класса», «новый шаг в реализации ленинского кооперативного плана». Стало быть, тенденция — налицо. Но это лишь одна и притом, может быть, не главная из форм, в которых она реализуется.

2

Пономарева Прасковья Васильевна работает на животноводческой ферме. Но в то же время она может с полным правом сказать (и подтвердить документально!), что место ее работы — упоминавшееся Ленинградское оптико-механическое объединение, марку которого — ЛОМО — знают фотолюбители всей страны. Объединения, где делают кинокамеры, микроскопы, тончайшие приборы. Пожалуй, анкета Прасковьи Васильевны могла бы и впрямь поставить в тупик иного социолога: кто же она в конце концов — представитель крестьянства или рабочего класса? А Прасковья Васильевна могла бы тут же добавить, что на правах работницы ЛОМО ей довелось не далее как прошлой осенью отдыхать в числе первых в новом пансионате «Нева», построенном ленинградским объединением на берегу Черного моря. Пансионат этот, кстати говоря, с первых же дней получил широкую известность, и даже наша беседа с генеральным директором ЛОМО Михаилом Панфиловичем Панфиловым прервалась было телефонным звонком: один из коллег-директоров деликатно интересовался, не найдется ли там для него местечко на будущий месяц...

— Вот так,— продолжил Михаил Панфилович, положив трубку на рычаг.— Но вообще-то мы не забываем ни на минуту, что пансионат построен для наших работников. Они — его хозяева. В том числе — и работники нашего подсобного хозяйства, которое так интересует вас.

От слов «подсобное хозяйство» повеяло вдруг чем-то полузабытым, давним, детством послевоенным, я невольно улыбнулся, и генеральный эту улыбку поймал:

— Что, старое вспомнилось? А наше хозяйство как раз и есть из тех самых. В первый послевоенный год нарезали нам землю. Потом, через несколько лет, пришла

пора ликвидации «подсобных», и большинство директоров с радостью с ними рассталось. А мы свою Тарасовку сберегли, хоть и слышал я не раз за тридцать с лишним лет директорствования: брось, мол, эту обузу, занимайся своим делом, оптикой да механикой, что может быть общего у электроники с помидором? Анахронизм, дескать, какой-то. Чуть ли не консерватором называли. Но мы продолжали развивать Тарасовку — прежде всего как свой пригородный оздоровительный комплекс, как «городок здоровья»...

С «городка здоровья» и началось мое знакомство с Тарасовкой, расположенной километрах в восьмидесяти от Ленинграда, за курортными зонами Сестрорецка и Зеленогорска, среди озер и сосновых лесов. Одно из озер, Подгорное, вклинивается непосредственно на территорию, летом на нем лодочная станция, и водные лыжники летают на буксире у быстрых катеров, а в тихих заводях любители рыбной ловли вытаскивают, по слухам, великолепных судаков. Озеро немалое, и места всем хватает: и людям, и рыбе, и всеобщим любимцам — лебедям, обитающим тут же, в дощатом хуторке посреди водной глади.

А в сосновом бору поблизости — дачный поселок, целых девяносто домиков, на три семьи каждый, стало быть, двести семьдесят семей с чадами и домочадцами могут одновременно иметь удобную и недорогую дачу. И есть еще построенный шесть лет назад корпус круглогодичного пансионата «Дубки», по существу — большой современный отель посреди строгого великолепия северной природы. Это здесь, в книге отзывов, мне довелось прочесть несколько наивные, но весьма трогательные стихи, сочиненные четой пенсионеров-заводчан, которых, кстати сказать, на ЛОМО пожизненно числят членами коллектива со всеми вытекающими отсюда правами:

Труд уложен здесь большой —
И с хозяйственной душой!
Все удобства и красоты —
От панфиловской заботы!

Кроме главного корпуса, есть в «Дубках» еще и малый, который называют иногда «домом молодоженов», потому что счастливые молодые пары и впрямь пользуются преимущественным правом провести под его кровом свой медовый месяц. Здесь тишина и почти домашний уют, ковры и мягкая мебель. И — занятная деталь! — в особом стеллаже в прихожей выстроилась шеренга фирменных чуть старомодных зонтиков с крючкообразной ручкой. Ровно двенадцать, по числу жильцов. Мелочь, однако существенная: дожди здесь все-таки не редкость, а в жилье желательно вносить как можно меньше сырости. И не только в этом дело: важно, очень важно, что именно увидит человек, впервые переступивший порог пансионата,— замусоренный пол, казенно выкрашенные стены, отваливающиеся керамические плитки в ванной или такую вот подчеркнутую заботу о чистоте и уюте. Он и поведет себя соответственно.

— Можно считать, что эти зонтики уже сто раз окупили себя,— сказали мне.

(Могу, в порядке лирического отступления, привести маленький пример противоположного характера. В далеком северном городе мы остановились в гостинице. Уютный, просторный номер, хорошая мебель. Но что это? Спинки стульев и деревянных кроватей оказались как бы обкусанными сверху зубами каких-то крохотных грызунов: явственно различались следы челюстей. На протяжении многих месяцев постояльцы открывали об них бутылки с пивом и минеральной водой. Картина, увы, знакомая. «Бескультурье, конечно. Но одних ли постояльцев надо винить? — спросил мой спутник, без видимого успеха пытаясь подковырнуть перочинным ножом

металлический колпачок бутылки «Боржоми».— Что стоило администрации прикрепить к любому ключу от номера вместо дурацкой бесформенной деревяшки металлическую «открывалку», как это кое-где и сделано? Копейки! А сберегли бы дорогую мебель, цена которой — тысячи рублей!»)

3

В общем, в Тарасовке я увидел тщательно оборудованный, заботливо обихоженный «городок отдыха», играющий немалую роль в том, что ЛОМО гораздо менее, чем другие крупные предприятия города, страдает от текучести кадров, от нарушений производственной дисциплины. «Нынче ведь голыми деньгами человека не прельстишь,— говорил мне в беседе генеральный,— по нынешним временам требуется о нем конкретная забота, надо его желания знать. Только не все руководители к этому привыкли еще!»

На готовых к обеду столиках в главном корпусе лежали помидоры и огурцы. Собственные. Как и шашлыки в здешней шашлычной. Может быть, главная особенность Тарасовки в том и состоит, что «городок здоровья» существует здесь в едином комплексе с подсобным хозяйством, небольшим, по существу, совхозом, чьи поля и фермы расположены тут же — на разумном, конечно, расстоянии, чтобы не тревожили отдыхающих всяческие производственные шумы.

Записная книжка моя полна цифр, я бы мог сообщить, сколько коров и телок находится на тарасовской молочнотоварной ферме, сколько квадратных метров занимают зимние теплицы и сколько — пленочные. И все же главное — исключительно высокий уровень организации производства, являющийся в значительной мере результатом «симбиоза» с крупным современным

предприятием, его облагораживающего влияния. Говоря так, я вовсе не хочу бросить тень на сельское хозяйство в целом. Но ведь порой, что скрывать, и в благополучном колхозе или совхозе увидишь на тихой лужайке забытую борону с проросшей меж зубьями травой или невесть когда и зачем выкопанную канаву с оплывшими краями. В Тарасовке такое исключается: деловой, рабочий ритм, ощущаемый здесь, сродни ритму хорошо отлаженного цеха, комья сырой земли не успевают просохнуть на высоких колесах остановившихся на обед тракторов. Это цех — на таких правах входит Тарасовка в организационную структуру ЛОМО. Или это — ферма, собственная ферма предприятия. Именно об этом сказал товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде партии: «Всемерной поддержкой должны... пользоваться подсобные хозяйства промышленных предприятий». И не случайно, наверное, в соревновании доярок Выборгского района Ленинградской области (на его территории находится Тарасовка) представительницы подсобного хозяйства ЛОМО занимают первое, второе, четвертое и пятое места. Эти показатели будут еще внушительнее, если учесть, что и всего-то доярок здесь — четыре, не считая подменных. Выходит, передовиков сто процентов!

В центре поселка — небольшой строительный кран: возводится жилой дом на тридцать шесть квартир. Строит его, как и все здесь, объединение ЛОМО, силами своей строительной организации, за счет своих фондов. Строит быстро и споро: только за последнее время здесь подняли новый скотный двор на двести голов, телятник с полной механизацией, склад для хранения продукции — между прочим, потери при транспортировке и хранении, о которых столько говорится и пишется в последнее время, сведены здесь на нет. Живут строители тут же, в специально построенном общежитии гостиничного типа.

А когда наступает в хозяйстве страдная пора — сенокос или уборка овощей, на помощь с большой охотой приходят обитатели дачного поселка. Подчеркиваю: с охотой. Потому что знают: не пропадут их добрые дела.

Конечно, Тарасовка — это все-таки «минисовхоз» при огромном предприятии, работающий почти исключительно на «внутренний» рынок. Нет, не только на «городок здоровья»: и в городе, в заводских столовых, появляются в свой срок — среди зимы! — свежие огурцы и помидоры, работники предприятия могут купить мясные продукты «собственного» производства, что, естественно, несколько снижает напряженность в работе торговой сети на близлежащих улицах в вечерние часы. Все-таки не пустяк — сотни тонн молока, сотни тонн мяса в год, миллион яиц высшего качества. И уже это означает, что не зря столько лет подряд Михаил Панфилович Панфилов — старейшина «директорского корпуса» ленинградской индустрии — по крайней мере раз в неделю с утра приезжает в Тарасовку и лично инспектирует все звенья оздоровительного комплекса и подсобного хозяйства. И не зря, видимо, в нынешних обстоятельствах произошло возвращение — на новом этапе, в новом качестве — к старому институту подсобных хозяйств. И не зря зачастили на ЛОМО и непосредственно в Тарасовку представители других ленинградских предприятий — присмотреться, набраться опыта...

4

Но, помимо всего этого, думается еще: а может быть, такая вот Тарасовка — не только подспорье, но и в известной мере лаборатория, работающая на будущее? Может быть, и такая форма «симбиоза» (будем говорить так) промышленного предприятия и сельскохозяйственного подразделения — не последнее слово в этой обла-

сти? Потребность сельского хозяйства в рабочих руках — величина переменная в течение года. Более того: она и год от года меняется — в зависимости от сезона, от урожая. Это наводит на размышления, толкает на эксперимент. В Казахстане, на Алма-Атинском хлопчатобумажном комбинате, пытались наладить постоянное сотрудничество с близлежащими совхозами — с тем чтобы в напряженную пору какая-то часть работников трудилась на полях, а остальное время — в цехах комбината: при нынешнем развитии транспорта доставлять людей ежедневно на расстояние в двадцать-тридцать километров — не проблема. Однако начатый эксперимент пришлось вскоре прекратить: он потребовал, помимо всего остального, увязки производственных планов комбината с неизбежной пульсацией количества работающих, а это уже находилось вне компетенции руководства предприятия. В Ленинградской области существовала практика присоединения экономически слабых колхозов к близлежащим леспромхозам. В одной из северных областей работницы местной меховой фабрики целыми сменами отрабатывали по неделям на фермах обезлюдевшего пригородного совхоза. А всевозможные виды шефства, о которых мы так охотно и одобрительно пишем? Ведь шефы не только читают лекции и дают концерты — они и в поле работают, и ремонтируют, и строят. А ежегодные выезды сотен тысяч горожан «на картошку», которые давно стали притчей во языцех, но без которых, как мы видели, зачастую не обойтись даже экономически крепким хозяйствам? Не содержит ли все это, кроме суровой необходимости, еще и некоей деловой подсказки? Коли уж ясно, что без помощи горожан в эти дни никак нельзя, почему, в самом деле, эти выезды осуществляются всякий год (вот уже многие десятилетия), словно бы в первый и в последний раз, какими-то самодеятельными, авральными методами.

И я хочу сказать: не следует ли нам внести в столь важное дело большую организованность и «регулярность»? Для начала — позаботиться хотя бы о том, чтобы горожанам не приходилось жить где попало и спать на чем попало: в сараях, пустующих складах, школах? В студенческие годы это еще терпимо, но ведь не одни студенты нынче ездят трудиться в колхозы и совхозы! А что, если бы в течение нескольких лет появились бы на территории хозяйств принадлежащие предприятиям удобные жилища, которые в остальное время года могли бы служить домами отдыха или профилакториями? Разумеется, это возможно в том случае, если городское предприятие и сельское подразделение будут объединять узы более серьезные, чем обыкновенное шефство, объект которого может с легкостью меняться. Скорее всего, это опять-таки может быть какая-то форма кооперации. Конечно, может показаться странным: мясо-молочный цех при металлургическом заводе. Но, может быть, лишь на первый взгляд? Может быть, все же есть о чем задуматься?

И я написал письма некоторым своим знакомым, у которых, по роду их деятельности и складу характера, должны были быть, как мне казалось, некоторые соображения по интересующей меня проблеме.

5

Ответы не заставили себя ждать. Первым откликнулся заводской инженер, герой одного из моих очерков и сам человек пишущий, неутомимый путешественник и «болельщик» своего родного Нечерноземья. Вот его отклик:

«Мне кажется, говоря о «симбиозе» сельского хозяйства с заводами и о дальнейшем перспективном развитии этого союза, надо соблюдать большую осторожность.

Уже и так можно заметить: там, где запарка, прорыв, пусть подключается хорошо организованное производство — завод. Но ведь на современное объединение и без того возложено множество несвойственных ему функций. Тут и ширпотреб, и футбольная команда, и формально самодеятельный, а на деле профессиональный ансамбль. Только что кончили посылать (в основном инженеров!) на стройку городской теплицы и драмтеатра — на очереди подземный переход через улицу. А еще выкладывали дерном набережную, к началу туристского сезона мели вокруг церквей (город наш старинный, обильно посещаемый). В КБ образуется как бы два класса работников. У одних уже и карандаш валится из огрубевших пальцев, в перерыве между очередными «командировками» они состоят как бы «на подхвате», ибо находятся постоянно не в форме, постепенно забывая то, чему их учили. Другие тянут основную работу, их начальство старается не посылать ни на строительство, ни на другие «узкие» участки. А возьмите экономическую сторону дела: во что все это обходится государству! Ведь каждому такому работнику сохраняется его средний заработок плюс то, что он заработает на новом месте. И вот что получилось с одним моим приятелем-конструктором: окончил он, по направлению завода, курсы трактористов (в рабочее время, между прочим), летом его послали потрудиться в мелиорацию, от мелиорации в осеннюю страду в колхоз послали. В колхозе конструктор, светлая голова, придумал приспособление, позволяющее таскать сразу по три тележки травы на силос. И получал наш конструктор «среднюю» на заводе, «среднюю» в мелиорации да еще и в колхозе много набегало. А на заводе тем времерем штампы некому проектировать. И вообще завод — в хроническом прорыве: у семи детей — нянька без глазу. Последнее, наконец: возможность в любой момент получить «помощь» от за-

вода порождает у многих руководителей инфантильность и иждивенчество».

Резкое и горькое письмо. И все в нем сущая правда. Можно только, согласившись с автором, сказать, что все приводимые им факты как раз и относятся к категории той самодеятельности, авральщины, о которой именно и шла речь. Не в том ведь беда, что завод занимается строительством (того же самого пешеходного тоннеля, к примеру), а в том, что взваливается на него эта работа как бы сверх нагрузки, сбоку припека. Ведь вели же заводы строительство и поныне ведут, причем не только собственных цехов: целые города построены ими, в том числе и такие крупные, как Новокузнецк в Кузбассе или Магнитогорск на Урале. В таких городах «головное» предприятие не только строит, но и эксплуатирует большую часть жилья, содержит гостиницы и детские сады, столовые и магазины, и занимаются всем этим его специальные службы, имеющие свой штат и бюджет. В подобной системе есть свои минусы, но есть и свои немалые плюсы. Может быть, и кооперация промышленности и сельского хозяйства окажется эффективной, если устранить из нее (уже практически существующей!) стихийность и авральность?

6

Второе письмо. Автор его — заместитель директора (по снабжению, что немаловажно для дальнейшего) крупного завода на Украине:

«Лично я за создание промышленно-сельскохозяйственных объединений. Подсобные хозяйства полезны, безусловно, но это — полумера. Недавно нашему заводу выделили землю для организации подсобного хозяйства. Но какая это земля? За малым исключением — непригодная для посева сельскохозяйственных культур: пески, овраги, засоленные и заболоченные почвы.

Ворчим, конечно, но про себя понимаем: хорошие-то земли и колхозам нужны, у них — план, они — настоящие кормильцы.

Второе: развитие подсобного хозяйства слишком зависит от личности руководителя. Есть у него такая склонность — хозяйство существует и развивается, нет — никто за это не спросит. Третье: высока себестоимость продукции. Пример: в подсобном хозяйстве соседнего завода себестоимость килограмма свинины — 4 рубля, прудовой рыбы — 15 (пятнадцать!) рублей.

Теперь о колхозах (да и к совхозам это почти полностью относится). Нынешний колхоз — это не колхоз тридцатых годов. И даже не колхоз той поры, когда техника машинно-тракторных станций была передана хозяйствам. Сейчас в его распоряжении по меньшей мере за сотню единиц техники. А как она содержится и ремонтируется? Объединение «Сельхозтехника» — организация маломощная, на всех его не хватает. Сам же колхоз наладить это дело на должном уровне не в состоянии: не хватит у него ни кадров квалифицированных, ни оборудования, ни материалов. Фонды на металл у него отсутствуют. Промышленные предприятия не имеют права продать колхозам, включая и подшефные, даже «некондицию» или деловые отходы, для этого требуется письменное разрешение вышестоящей организации, вплоть до Москвы. И где уж там изготовить вышедшую из строя деталь из «родной» марки стали! Делают из того, что удалось достать, из самой ходовой, «дворовой», как мы говорим, марки. И втыкают ее «сырую» (ибо не на чем произвести термообработку, улучшение, цементацию, азотирование), не шлифованную в занемогшее чрево трактора: «Паши, родной! Обеспечивай своевременно проведение посевной кампании, а там видно будет!» Не только шлифовальных, но и простейших токарных и фрезерных станков в колхозе не хватает. И фондов на

их приобретение тоже нет. Чтобы передать подшефному колхозу два станка, самому заводу уже ненужных по причине их морального устарения, мне, заручившись соответствующим обоснованием и решением горисполкома, пришлось лично выехать в министерство и с большим трудом добиться желаемого. А какова квалификация колхозных токарей и фрезеровщиков? Работают они зачастую не по чертежам, а по сломанным образцам, на глазок. Какой уж тут микрометр! А кто научился мало-мальски крутить ручки станка — уходит на завод. Там и зарплата повыше, и условия несравнимы: тепло, светло, чисто. Не то что в колхозной полукустарной мастерской. Можно себе представить, насколько сокращается из-за всего этого срок службы техники, эффективность ее использования! А ведь техника-то великолепная, дорогостоящая!

Та же картина в строительстве. Решили строить в совхозе крытый механизированный ток — он действительно позарез нужен. Заводу говорят: помогайте в порядке шефства, без ущерба для производства. Завод рад помочь, да как? Нужны трубы, швеллерное железо. Фондов у колхоза нет, а продать ему — опять же нельзя. Но — ничего, построим. Вырастет красавец ток, и еще хвалить нас будут, в газете фотографию поместят: шефы помогли селу!

Изнурительная эта работа и, прямо скажу, в чем-то унизительная. И насколько проще все было бы, если бы (это не только мое мнение!) тот же совхоз был бы чем-то вроде нашего собственного цеха. Ведь все равно что-то вроде этого получается, только несуразно как-то. А могли бы, будь у нас руки развязаны, и ремонтно-профилактическую базу на должном уровне в своем сельском «цехе» создать, и непосредственно на заводе наладить изготовление и восстановление деталей, и для строительства найти материалы без ущерба для основ-

ного производства, будь только все это наше, будь только отражено и увязано в соответствующих планах. Потому что слишком серьезные и масштабные это вещи, чтобы пытаться решить их на общественных, так сказать, началах. И давал бы совхоз, как и сейчас, свою продукцию государству, только, может быть, больше и лучше. И завод был бы доволен, получая для своих столовых и детских садов самые свежие продукты из первых рук...

Это я уже, что называется, расфантазировался. Прекрасно понимаю, какие тут могут возникнуть трудности, связанные и с ведомственной подчиненностью, и с многообразием предприятий — по масштабам и профилю. Но, может быть, для начала разрешить эксперимент тем, кто считает себя к нему готовым?..»

7

Были и еще письма. Приходили на радио (после того как я поделился перед микрофоном некоторыми своими соображениями), приходили на мой домашний адрес, прошеные и непрошеные. Завклубом из Владимирской области подтверждал, что нынешний, «авральный» порядок помощи селу в осенних полевых работах себя зачастую не оправдывает. Вынужденный оказывать эту помощь «без ущерба для производства» (так, как будто и не сорваны со своих мест десятки и сотни работников), завод стремится послать тех, без кого ему легче обойтись. Какая получается при этом «помощь» — легко догадаться.

Пенсионер из Туапсе, приветствуя идею агропромышленных комплексов, вносил свое предложение: создавать в сельской местности трудовые санатории для лиц пенсионного возраста. «Нас пятьдесят миллионов в стране, мы нуждаемся в труде. Сезонно, при укороченном дне, под присмотром медицины это вполне

возможно. Устройте наш быт, и мы многое сможем!»

Радиослушательница из Архангельской области: «Я живу в деревне, у нас проблем нерешенных хоть отбавляй: с кадрами, с жильем, дороги непроезжие весной, осенью и даже летом, если частые дожди... А в пяти километрах от нашего отделения совхоза есть рабочий поселок, три тысячи населения, есть в нем различные предприятия, есть с кем кооперироваться... И у нас, бывает, говорят: того нет в магазинах, другого. А где взять? Везите! Откуда же? Мясо надо растить, молочко доить, коровушек кормить и поить, тогда все будет...»

И еще одно письмо — эмоциональное, непростое. Автор начинал с обширного исторического экскурса в прошлое нашей деревни, начиная от известных «перегибов» периода коллективизации до совсем недавних попыток обойтись без приусадебных личных хозяйств. Его беспокоило: не будет ли индустриализация сельского хозяйства, а тем более создание каких-либо агропромышленных комплексов или объединений окончательным приговором д е р е в н е — такой, как он ее знает и любит. В письме цитировались строки Есенина:

Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час...

Что сказать на это?

Никуда, разумеется, деревня — в широком понимании этого слова — не исчезнет. Но в ее облике и характере будут происходить — и происходят уже — перемены необратимые. Это процесс небезболезненный, потому что меняется не только техническая оснащенность, не только внешний облик поселков. Меняются люди, происходит смена социального типа, и уже не встретишь теперь крестьянина в прежнем понимании этого слова. Помню, как однажды хмурым весенним утром небольшую группу писателей привезли на выступление в один

дальний и далеко не процветающий совхоз. В тесном, неуютном помещении конторы собрались женщины, одетые в мужские сапоги, старые пиджаки и ватники, немолодые, по-утреннему хмурые, погруженные в свои заботы. Их загрубелые, натруженные руки, обветренные неулыбчивые лица наводили на мысль о десятилетиях пройденного нелегкого пути. Но была в этих лицах какая-то тихая надежность, готовность принять на свои плечи любую работу, любую тяготу. И обнаружился живейший интерес к жизни, ко всему, что делается в мире. И невольно подумалось: какой это драгоценнейший капитал — наши люди. И захотелось низко поклониться им за все, что ими сделано и делается. Но тем ясней и необратимей ощущалось: на этот тип труженика мы в будущем рассчитывать не можем. Нужен — и появляется уже — другой, может быть, именно тот сельчанин-горожанин, который в разных своих вариациях существует во всем мире.

8

И тут хочется рассказать еще об одном письме. Оно пришло из южного города, его прислал инженер-конструктор, ветеран производства В. Смирнов. К письму своему он приложил копию официального запроса, направленного директором его предприятия в адрес генерального директора ЛОМО. Южане заинтересовались опытом ленинградцев. «Южный» директор ставил перед своим ленинградским коллегой вопросы сугубо делового свойства. Его интересовал состав животноводческого хозяйства Тарасовки и объем его продукции, штатное расписание работников подсобного хозяйства, фонд сдельной и повременной заработной платы, фонд материального поощрения, порядок выделения участков под садовые дачи при подсобном хозяйстве. «А также,— заключал он,— очень прошу сообщить, как удается при современ-

ных установках на сокращение числа вспомогательных работников обеспечивать неубыточное ведение подсобного хозяйства...»

Письмо самое что ни на есть практическое, в полном смысле слова директорское. И еще раз напоминающее, что с экономическим и правовым статусом подсобных хозяйств доныне не все ясно. Но еще интересней показались соображения самого В. Смирнова. «Сейчас, когда остро стоит проблема кадров, особенно в сельском хозяйстве, рабочие, служащие предприятий и другие слои городского населения готовы в свободное от своей основной работы время принять более активное посильное участие в производстве овощей, которое требует еще много ручного труда. Это особенно важно для малых городов, где снабжение овощами еще недостаточно, особенно картофелем, баклажанами, огурцами, тыквой, зеленью — то есть плодами тех культур, которые после машинной культивации требуют еще ручной обработки в междурядьях. Практикуемое выделение работников завода на прополку и уборку в колхозах не дает нужного эффекта, так как страдает основное производство, а главное, из-за обезлички труда одни, сознательные, стараются, а другие норовят набрать прежде всего себе, а потом уже кое-как выполнить установленную норму (чаще всего она и не выполняется)...»

И далее В. Смирнов развивает целую программу, разрабатывает настоящий экономический проект сотрудничества горожан с колхозами и совхозами «с личной материальной заинтересованностью и индивидуальной ответственностью за долю труда, вложенного в сельскохозяйственное производство дополнительно к основной работе». В проекте четко предусматривается, какие операции берет на себя колхоз, какие — достаются на долю горожан, пользующихся в дальнейшем, после созревания продукции, определенными льготами в ее закуп-

ке. Отношения закрепляются соответствующим договором.

Чувствуется в этом проекте — хоть, может быть, и не бесспорен он — профессиональный, инженерный подход к сложной социальной и экономической проблеме. А называется письмо-статья инженера Смирнова неожиданно лирически: «Горожан тянет к земле».

Тянет к земле!

Неужто действительно так?

И почему вдруг пробудилась эта тяга, почти заглохшая, казалось, в предшествующие десятилетия?

Мы еще вернемся к этим вопросам — несколькими страницами позже.

ОСТРОВ ПИЙРИСААР — ЧУДСКАЯ «МАТЕРА»

Мы познакомились, можно сказать, в духе лучших традиций: у колодца. Молодая женщина с видимым усилием вращала тугой колодезный ворот, и я поспешил на помощь.

— Спасибо,— сказала она, когда тяжелое, бултыхающееся ведро водворилось на краю сруба.— Вы издалека, наверное? То-то я смотрю, лицо ваше мне незнакомо. Мы ведь здесь, на острове, не только всех своих знаем, но и тех, кто по делу наезжает регулярно...

Новая знакомая оказалась учительницей местной восьмилетки Зинаидой Павловной Венчиковой, две светловолосые девчушки, крутившиеся рядом, — ее ученицами.

— Хотите школу нашу посмотреть? — сказала Зинаида Павловна.

Школа — добротное двухэтажное деревянное здание — располагалась неподалеку. Да, собственно, и все здесь неподалеку — на острове, окруженном со всех сторон водами знаменитого Чудского озера.

В небольшом классном помещении тесно стояли пять или шесть парт.

Зинаида Павловна улыбнулась:

— Не смотрите, что тесно,— здесь два класса учатся одновременно: третий и четвертый. Такая у нас школа: хоть и восьмилетка, учеников в ней — всего одиннадцать человек. И четыре учителя. Нет, не всегда так было. Я ведь сама местная, эту же школу кончала, так у нас в выпускном классе все-таки восемнадцать человек было. Оно, конечно, нет худа без добра: каждого ученика ежедневно спросишь — и не по одному разу. В наше-то время, бывало, вызовет учитель, поставит отметку, и обеспечена тебе «спокойная жизнь» на неделю-другую, пока снова очередь дойдет. А тут — почти индивидуальная работа с каждым.

Учительница снова улыбнулась, но улыбка получилась все-таки невеселой:

— Что ни говорите, а грустно, что пустеет остров, что в школе нашей мы страдаем скорее от простора, чем от тесноты. Я и сама уеду отсюда, вот подрастет ребенок — и уеду. Пока он маленький, ему здесь, конечно, самое лучшее место: такой чистый воздух, как у нас на Пийрисааре, мало где еще найдете!..

Доставивший нас на Пийрисаар катер рыбоохраны «Зоркий» вышел из поселка Вярска рано на рассвете. Озеро было гладким и белым. Собственно, это было еще не Чудское озеро, а Псковское. Ученые вообще полагают, что правильнее говорить о двойном Псковско-Чудском водоеме. Или даже о тройном, потому что пролив, соединяющий обе его части, издавна зовется Теплым озером. Над его широкой горловиной со стороны Чудского озера, словно только что выдернутая пробка, висит Пийрисаар.

Капитан «Зоркого» Леонид Петрович Вересов не одно десятилетие бороздит чудские воды. И на пенсию бы-

ло вышел уже, но заскучал что-то и обрадовался, когда пригласили его под знамена рыбоохраны. Правда, скорость у «Зоркого» невелика, а браконьер нынче пошел моторизованный, технически оснащенный, не всегда за ним угонишься, но капитан Вересов делает все, что может, благо родное озеро знает он превосходно.

— Вон там было Ледовое побоище,— указал он на неширокий пролив между низким лесистым полуостровом и островком, таким же низким и лесистым.— Только Вороньего камня, у которого, по преданию, был командный пункт князя Александра Невского, теперь уже не увидишь: ушел под воду. За прошедшие столетия дно озера в этом месте опустилось. Это самой природы работа...

Да, это именно здесь в давние годы «бысть сеча зла и велика», звучал «труск от копий ломления и звук от мечного сечения», именно здесь шли на дно, тщетно цепляясь за ледяную кромку, закованные в железо ливонские рыцари, именно здесь торжествовало победу славное новгородское войско. Победа эта навсегда сделала имя озера легендарным, недаром оно ассоциируется прежде всего с учебником истории, а потом уже с географической картой. Для тех же, кто живет на его берегах — российском и эстонском,— знаменитое озеро является издревле и поныне кормильцем и поильцем в самом буквальном смысле слова: рыбные запасы его богаты и разнообразны, а сама вода удивительно вкусна и, что немаловажно, чиста. Ибо лишь два крупных города — Псков и Тарту — лежат в его бассейне, да и то все-таки не на берегах самого водоема, а несколько выше по рекам, в него впадающим. Нельзя сказать, что для тревоги нет совсем уж никаких оснований. В последнее время чудские рыбаки жалуются, что на окрестных полях применяется все больше органических и минеральных удобрений, вывозят их на поля еще зимой, а вешние та-

лые воды сносят какую-то часть их в озеро, что для рыбы, конечно, не благо. Но все-таки и сейчас в разгаре лета можно без особого опасения утолить жажду кружкой забортной озерной воды!

Эта, в частности, особенность озера и привлекла к нему внимание литераторов, сотрудничающих в комиссии по охране окружающей среды при Ленинградской организации Союза писателей РСФСР. В плавание пустились двумя группами, на двух судах. Одно вышло из Пскова и направилось вдоль российского берега, другое, наше,— из эстонского поселка Вярска.

Слева от нас — эстонский берег, справа, вдали,— псковский. Одинаковая природа: характерный пейзаж Нечерноземья. И население здесь — на обоих берегах — смешанное, зачастую двуязычное. Вот и в команде «Зоркого», кроме капитана Вересова, еще всего один человек: моторист Евгений Лойк, истинный «сын озера» — по отцу эстонец, по матери русский. Тем и другим языком владеет одинаково свободно, в минуты отдыха читает попеременно русские и эстонские книги, причем «Не стреляйте в белых лебедей» русского писателя Бориса Васильева он где-то раздобыл в эстонском переводе, а «Мост в белое безмолвие» Ленарта Мери — в русском издании!

Прежде чем мы ошвартовались у причала Пийрисаара, Евгений довольно долго вел «Зоркий» по прямому, как городская улица, каналу: берега острова низменны и топки, на самой кромке их ничего не построишь. Лишь в конце «улица» расширилась, образуя как бы небольшую «площадь» — уютную рыбацкую гавань с причалом и рыбоприемным пунктом. Большие промысловые лодки с двадцатисильным мотором, с надстройкой в кормовой части зовутся здесь «кокуамы» — название, как объяснили нам, японского происхождения, лодки поменьше — «лаппая»: слово местное, эстонское.

Идем по главной улице островной «столицы». Издавна на острове — три деревни: Пийри, или Межа, Тони и Сааре, или Желачек. Практически они давно слились в одну, но старые названия живут в обиходе. Улица как улица, только, пожалуй, травой чуть больше заросла, чем в обычной деревне. Белеет справа новенький аккуратный дом из силикатного кирпича. Но в основном постройки старые, деревянные. Обширные огороды. Отродясь таких огородов не видал: сплошь, от края и до края, они заняты одной-единственной культурой — зеленым луком. Словно копья какого-то неведомого воинства проросли из-под земли!

Нам объяснили потом: лук — высокодоходная культура, на «материковых» рынках спрос на него большой, возделывать его проще и выгоднее, чем вести традиционное многоотраслевое приусадебное хозяйство.

Все остальное островитяне предпочитают покупать. А как же рыба, их извечная кормилица? Как ни странно, в смысле экономическом она сегодня отнюдь не на первом месте. Отметим для себя этот парадокс, чтобы вернуться к нему позже.

Когда-то, еще до революции, на Пийрисааре жило полторы тысячи человек, в тридцатых годах — тысяча двести, после войны — около пятисот, сейчас едва набирается две сотни. Ни дать ни взять — «Матера» чудская, если вспомнить известное произведение Валентина Распутина. Только не волны водохранилища, а непосредственно волны времени вот-вот захлестнут его окончательно. Может быть, и впрямь относится островное поселение к числу «неперспективных», и, сколь ни жалко, что пустеет издавна обжитый людьми клочок земли, самый лучший выход — это примириться с неизбежным? Тем более что в отличие от иных литературных героев островитяне отнюдь не склонны идеализировать прошлое.

— Раньше почему не уходили с острова? — рассуждал в беседе с нами пожилой рыбак.— Некуда было уходить! Промышленности такой, как сейчас, не было, о том, чтобы учиться поступить, даже не мечтали. Тут уж хочешь не хочешь, а будешь держаться за свой остров, любить его будешь. И жизнь, между прочим, тяжелая была... Как сейчас помню: сговорятся между собой богачи рыбу только за бесценок скупать — и хоть вываливай за борт всю добычу. А жить надо. Одно спасение — если перессорятся они между собой...

Знаменательное свидетельство! Мы много пишем и говорим о кровной, в интерпретации иных авторов чуть ли не мистической связи сельского человека с землей (в данном случае — с «голубой» озерной нивой, что, в общем, дела не меняет). Приводим трогательные примеры из давнего и не столь давнего прошлого: как выводил, скажем, старый дедушка малолетнего внука на пашню и наставлял любить и беречь землицу-кормилицу. Реже в последнее время вспоминаем о другом: как из-за той же землицы-кормилицы с вилами и дрекольем шел брат на брата и сосед на соседа. В любом случае, конечно, факт остается фактом: взаимоотношения человека с отцовской и дедовской нивой сложны и глубоки, есть в этом узоре и светлые нити, идущие из глубин веков, и темные, и переплетаются они порой так, что и разделить невозможно. Но весь этот сложный узор от века вышивался по суровой канве, имя которой — Необходимость. Попробуй-ка не полюбить кормилицу-землю или кормильца-озеро: другого не вдруг найдешь, если вообще найдешь. Скорее всего — просто погибнешь. И самым большим испытанием для этой любви стала возможность в ы б о р а, когда, наконец, перед человеком оказались воистину «открыты все пути». И, помимо всех элегических вздохов, следует, вероятно, задуматься: почему в этих обстоятельствах стала порой «неконкурен-

тоспособной» профессия земледельца или профессия рыбака?

— Сейчас на острове двадцать рыбаков,— сказал нам управляющий отделением колхоза «Пейпси калур» Василий Трофимович Кобылкин.— Самым младшим — по сорок лет, да и таких немного: в основном — пожилые. Я так считаю: еще лет десять-пятнадцать протянем, а там придется «закрывать» Пийрисаар. Или придумывать ему новую специализацию.

Худощавый, в джинсовом костюме, управляющий помолчал и продолжил своим неспешным тенорком:

— Самому мне за пятьдесят перевалило недавно, я уж, наверное, на всю жизнь с островом связан. А молодым тут сидеть не хочется. Скучно. Даже самодеятельности нет. Я свою молодость вспоминаю: хоть и трудно тогда было, но в чем-то веселее, живее. Нас, молодежи, — человек пятьдесят-семьдесят, клуб работал, пьесы ставили, выступали. Теперь, правда, время иное, в каждом доме телевизор, кино три раза в неделю приезжает. Так оно, верите ли, свой план пустячный не выполняет. Все из-за тех же телевизоров, я так считаю.

Самый большой, по словам Кобылкина, «отлив» с острова был в 1955—1965 годах, когда заготовительные цены на рыбу оставались на неоправданно низком уровне. С тех пор они несколько повысились, выросли и заработки рыбаков. Но все же, видимо, недостаточно.

— Щуку, например, мы сдаем по пятьдесят копеек килограмм,— дал нам справку на «материке» председатель колхоза Гурьян Куприянович Анников,— из них рыбаку достается восемнадцать копеек. А ведь он знает, что за любым углом ему заплатят за килограмм полтора рубля да еще спасибо скажут. Надо быть святым человеком, чтобы устоять перед этим соблазном!

Речь идет, таким образом, не только о заготовительных, но и о розничных ценах. Понимаю, сколь невыгод-

но выступать в роли сторонника их повышения. Но ведь там, где существует разрыв между ценой истинной и ценой номинальной, возникают всевозможные экономические и нравственные недоразумения. И не потому ли стало так трудно купить нормальным путем знаменитого чудского снетка? Не потому ли не рыба, а лук — огородная «монокультура» — в большей степени кормит сегодня островитян?

Но все-таки, наверное, не одним денежным золотым ключиком все открывается. Научившись учитывать и соответственно расходовать запасы каменного угля и электрической энергии (хотя и в этих делах не без осечек), мы, видимо, не умеем еще по-настоящему бережно управлять нашими людскими ресурсами. Строим фабрики и заводы, исходя по старинке из представления: были бы деньги, были бы материалы, а люди найдутся! Ну, может быть, не совсем так, но зачастую — почти так. Помню, рассказывали мне в одной из волжских областей, как в районном городке, в целях его развития, «посадили» филиал швейной фабрики. Оказалось, что городок лишь наполовину способен обеспечить ее людьми. Швейники пустились по окрестным селам, расклеили объявления, зазывающие молодежь на работу: «Общежитие предоставляется...» Так председатели колхозов и совхозные директора чуть ли не заставы богатырские выставляли на околицах, чтобы не допустить «расклейщиков» в свои владения: последних, можно сказать, парней и девчат в город сманят!

Я прошу понять меня правильно: то, что перед человеком «открыты все пути» — важнейшее и принципиальнейшее наше завоевание. Мы никогда не поступимся им и всегда будем им гордиться. Но это же завоевание поставило перед нами сложнейшие проблемы, никогда прежде перед обществом не стоявшие. Ведь общественная ценность и необходимость различных профессий далеко

не всегда совпадает с их привлекательностью и престижностью. Мы должны уметь делать привлекательными и престижными те профессии, которые нам нужны. Мы должны делать это умно и тонко. И помнить: остается инерция сознания. Остаются соблазны. Остаются объявления: «Требуется...»

— Обидно все-таки будет, если наш остров придется «закрывать»,— сказал Василий Трофимович.— Угодья рыбные здесь богатые, опыт старшими рыбаками накоплен тоже немалый. Может еще Пийрисаар послужить людям!

В последнее время наметилась интересная тенденция: потянулись люди в рыбацкие колхозы. «Некоторые прямо заявляют: хочу на острове работать!» — сообщил председатель Анников. Однако лишь немногие пока закрепляются надолго. Даже бывшие моряки, которые с веслом и с лодкой на «ты». Потому что озеро имеет свою специфику, ремесло озерного рыбака не сразу открывает свои «секреты». И в отношении материковых «неперспективных» деревень все чаще раздаются справедливые призывы: не надо спешить, надо действовать осмотрительнее. Потому что «закрыть» легко, а «открыть» заново — куда как трудно. Об этом знают, об этом помнят на обоих берегах исторического озера — эстонском и российском...

ПЯТЬДЕСЯТ ПИСЕМ ИЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЙ ПАПКИ

1

Конверт был совсем свеженьким, только что с почты, даже штемпель еще слегка «мазался». «Давно мечтаю переехать жить в село,— писала пенсионерка из Воркуты.— Сама я уже в годах, но есть у меня сын, тридцать

девятого года рождения, который тоже готов поехать со мной. Здесь у нас хорошая двухкомнатная квартира, мы бы охотно поменяли ее на деревенское жилье, если бы случилась такая возможность...»

— Вот видите, еще одно пополнение моей папки,— сказал председатель костромского колхоза «Родина» Павел Ефимович Пахомов.

В правлении «Родины» — внушительный «букет» из трех переходящих знамен, солидная библиотека дипломов и грамот в красивых обложках с золотым тиснением и целый сервиз всевозможных кубков: хозяйство — одно из передовых в области. Причем стабильно передовых. В иные годы, бывает, вырвется вперед кто-то из соседей, блеснет высокой цифрой урожая или надоя, а Пахомов движется себе вперед неторопливо, без особенных сенсаций, но и достигнутого не теряет. Даже и внешне центральная усадьба «Родины» — Лаврово — не выглядит образцово-показательной, на обложку «Огонька» не просится. Есть, к примеру, Дом культуры — просторный, добротный, однако отнюдь не щеголеватый видом, и нехитрая наружная побелка его стен заметно исхлестана дождями и метелями. И правления, по правде сказать, видывал я в последние годы поэффектнее, посовременнее, попрестижнее, как нынче говорится. Зато жилые дома колхозников «Родины» основательны, обихожены, не редкость резные наличники, и резьба на них в полном порядке — видно, что не дедовская она, не обветшалая, а самая что ни на есть новая, недавняя. И еще прекрасный в колхозе детский сад. Но в особенности стало интересно, когда Павел Ефимович про папку свою обмолвился: есть, говорит, у меня такая папка с письмами от желающих работать в нашем нечерноземном колхозе, много писем со всех концов страны, уже за полсотни перевалило. В первый приезд с папкой познакомиться не довелось, другие дела отвлекли. Однако в душу предсе-

дательская информация запала. Что ни говорите, сколько себя помним, речь шла о том, что люди уезжают из деревни, молодые в особенности. Образ деревенского дома с крест-накрест заколоченными окнами стал образом-символом. Коллега-журналист рассказал мне об автобусном павильоне, воздвигнутом на шоссе близ его родного села,— за короткое время стены его покрылись надписями: «Прощай, село, уезжаем на Север!», «Прощай, село, уезжаем на Восток!», «Прощай, село, нас ждет город!» То было в первое послевоенное десятилетие, однако ведь и сегодня не приходится говорить об этом явлении исключительно в прошедшем времени. В той же Костромской области, как и в некоторых других районах Нечерноземья, сельское население продолжает сокращаться год от года. Верно, что в последнее время процесс этот несколько замедлился. Верно, что наметилась тенденция к некоторому омоложению села — это в основном результат широко развернутого в области движения выпускников сельских школ, целыми классами остающихся работать в колхозах и совхозах. Но в целом население сельских районов продолжает сокращаться, и это волнует не одних только социологов и демографов.

И вот — председательская папка Пахомова.

Что это — не начало ли перемены?

Во второй раз в гости к Пахомову я собрался не раньше, чем убедился: подобные папки есть не у него одного. Аналогичные сведения поступили из некоторых колхозов и совхозов Кировской, Псковской областей. В Ленинграде, в отделе кадров облсельхозуправления, в управлении трудовых ресурсов подшиваются письма с просьбой «дать адрес какого-нибудь совхоза», направить на работу в село. Стало быть, речь идет о некоем явлении, пусть не массовом, но уже заметном и заслуживающем осмысления: что за люди хотят поехать в село, чего они хотят, чего ждут?

2

«Добрый день, уважаемая администрация колхоза «Родина»! Пишет вам семья Ядрихинских из поселка Коряжма Котласского района Архангельской области. Про ваш колхоз мы слышали по радио и вот решили написать письмо. Хотелось бы узнать, нужны ли вам молодые специалисты. Мы с мужем закончили один и тот же техникум в 1970 году и получили специальность «техник-электромеханик КИПа». Муж работает на заводе вот уже 10 лет слесарем КИПа по пятому разряду, я работаю техником по сигнализации. Напишите, нужны вам рабочие или нет, и если нужны, то как у вас дело обстоит с жилплощадью...»

«Здравствуйте, тов. Пахомов! Письмо Ваше мы получили и были удивлены такому краткому ответу. Мы ожидали более подробного письма. Прежде всего, мы Вас не поняли. Вы пишете, что квартиры у вас в порядке очереди. Разумеется, как же иначе, но ведь очередь-то может быть разной! Так что просим, пожалуйста, сообщите более подробно. Во-вторых: мой муж может работать и дояром. Вы не удивляйтесь, пожалуйста, это действительно так, до армии он работал дояром в совхозе и даже в армии ему пришлось этим немного заниматься. И еще: можно ли там у вас выучиться на тракториста? И будет ли набор в этом году? Феофилактовы».

Я привел как образец два письма — одно «первичное», другое «повторное». Переписывать все пятьдесят смысла, разумеется, нет, хотя чтение это само по себе небезынтересное. Лучше, пожалуй, попытаться сделать кое-какие обобщения, используя и костромской, и ленинградский, и псковский материалы. Итак, прежде всего: какие причины побуждают людей браться за перо? Причины эти довольно разнообразны. «Хочу своими руками хлеб растить, муж у меня механизатор»,— пишет

женщина из Ухты. «Хочу быть поближе к земле, на досуге в своем огородике покопаться, а то здесь я и огурчика не могу вырастить»,— сетует житель Соликамска. «Врачи советуют сменить климат»,— пишет семья из Уральска. Есть мотивы, казалось бы, сугубо личные: «После многих несчастий, которые нам с сыном довелось пережить, мы решили уехать из Одессы. А именно в Ленинградскую область, в любой из животноводческих совхозов, лучше в новый. Мы оба любим животных, знакомы с сельхозработой. Мне 45 лет, но я еще здорова и смогу лет двадцать еще поработать для пользы дела. А сыну скоро восемнадцать лет. Пожалуйста, не откажите, отнеситесь с душевной теплотой к нашей просьбе!» — пишет бывшая ленинградка, блокадница, и ее резоны заслуживают не меньшего уважения, чем любые другие: стремление уврачевать душевные раны в целительной близости природы издавна свойственно человеку. Только бы не стояло за этими словами идеализированное, книжное представление о сельской жизни, да и о самой природе, у которой, как известно, есть не только праздники, но и будни — с низким серым небом, с затяжными дождями, с проселочной грязью. Да и любовь к животным — для работы, скажем, на молочной ферме — требуется все-таки несколько иного свойства, нежели та, с которой мы встречаемся в трогательных объявлениях о пропавших собачках! Очевидно, памятуя об этом, женщина и сочла нужным подчеркнуть: «знакомы с сельхозработой». Есть, наконец, мотив, повторяемый во многих письмах: жилье. Эта проблема доныне многими осознается как чисто городская, хотя давно уже таковой быть перестала. Мы еще вернемся к ней.

Далее: что за люди стремятся в село? Начнем с возраста: тут разброс тоже довольно значительный. «Мне 21 год, а мужу 22, у нас есть дочка, ей три месяца»,— читаем в одном письме. Есть и письма от людей

предпенсионного и пенсионного возраста. Но ощутимое большинство составляют люди, так сказать, «второй молодости» и зрелого возраста, когда влечет уже не романтика новизны, а оседлость и основательность. Показателен в этом смысле «коэффициент семейности» авторов писем: одиночек среди них практически нет. Вот типичное из типичных писем: «Я, Коваль Борис Евгеньевич, 1939 года рождения, образование 10 классов, в данный момент работаю электриком, имею права тракториста и специальность слесаря-монтажника. Жена, Коваль Надежда Ивановна, 1948 года рождения, закончила медтехникум и работает медсестрой в больнице. Имеем двух детей, одной четыре года, другой девочке годик. Мы с женой давно решили переехать в сельскую местность, но не знали, куда поехать, а рождение ребенка задержало нас...» Казалось бы, оно как раз и хорошо, что в село хотят ехать семейные люди: это кадры надежные, солидные, на новом месте оседают крепко. Но парадокс в том, что как раз семейных-то трудоустраивающие организации любят меньше всего: одинокого еще так-сяк можно ткнуть в общежитие, на частную квартиру, а семейным жилье подавай — и просторное!

Образование у «кандидатов в сельчане», как правило, среднее и среднетехническое, высшее встречается редко, но столь же редко — и начальное. Набор профессий — самый опять же разнообразный: электрик, слесарь, шофер, штукатур-маляр, работница кондитерской фабрики, газоэлектросварщик. Словом, не белоручки. Понимая, что не всякая городская профессия может пригодиться в селе, готовы осваивать новые. «Могу научиться на доярку или механизатора, на того, кто вам нужен»,— пишет юная телеграфистка из Баку. Вот, кстати, и о географии писем. Я напрасно опасался, что большинство их составят письма с деревенским же обратным адресом, от людей, жаждущих из «плохого» хо-

зяйства перебраться в «хорошее». Оказалось, ничего подобного, таких писем совсем мало, определенно и решительно преобладает город, нередко — крупный город: Баку, Одесса, Новокузнецк, даже Ленинград. Но чаще — как раз город маленький, районного масштаба, поселок городского типа: Кинешма, Сатка Челябинской области, Бисерть Свердловской, Камышлов, Подпорожье. Очевидно, есть в этом своя закономерность: городских благ в таких населенных пунктах все-таки поменьше, чем в больших городах, а «превратности снабженья», о которых еще Твардовский писал, испытываются, будем откровенны, острее.

Разумеется, в городах, как в больших, так и в малых, «лишних» людей нет, везде заборы пестрят объявлениями с крупно выделенным словом «требуются». И все-таки, думается, в сложившихся обстоятельствах село должно пользоваться определенной «форой» в этом соревновании, а люди, желающие работать в селе,— особым вниманием!

3

И тут самое, может быть, парадоксальное: из числа людей, написавших письма с просьбой предоставить им работу в селе, лишь единицы смогли это желание выполнить! «В настоящее время свободной жилплощадью совхозы ленинградской области не располагают»,— читал я стереотипные ответы в управлении трудовых ресурсов. «Люди рвутся в хорошие хозяйства, где кадров и без того хватает, а в слабые, испытывающие действительный дефицит рабочих рук никто писем не пишет»,— сетовали в разное время в других областях. Получался какой-то парадокс: многие даже из лучших хозяйств не могут обойтись в страдную пору без помощи сотен горожан, а между тем выясняется, что «кадров и без того хватает»! Не потому ли это происходит, что счи-

таем мы как-то не так: только механизаторов и животноводов? А ведь нужны-то не только они. Нужны и «просто полеводы», рядовые колхозники и рабочие совхозов — те, кому и картошку убирать, и корнеплоды, и со льном, дающим львиную долю доходов той же «Родине», возиться. Да, это работы сезонные. Но у нас нет профессиональных кочевых сезонных рабочих, как в США. Стало быть, надо смотреть вещам в глаза и выбирать одно из двух: либо признавать, что участие горожан в сельхозработах — это никакая не временная мера, что это надолго, если не навсегда (и тогда искать для этого участия более солидные организационные формы), либо соглашаться, что селу не одни механизаторы и животноводы нужны, создавать избыток населения и придумывать для него занятие на период межсезонья.

Про Пахомова тоже, между прочим, мне доводилось слышать: «Ну, у него-то людей и так много!» Верно, все познается в сравнении: у иных соседей эта проблема стоит острее. Но как раз Пахомов-то и берет к себе на работу приезжих, насколько позволяют возможности, брал бы и еще, если бы мог строить жилья побольше. Причем предоставление квартиры оформляется особым договором, она остается, по-городскому говоря, ведомственной. Это делается для того, чтобы при случае легче было указать на дверь тем, кто не оправдал колхозного доверия — так были недавно изгнаны из хозяйства две семьи пьяниц и лодырей. Но таких немного, большинство приглашенных закрепляются в хозяйстве всерьез и надолго: как семьи Меньшиковых, Ерофеевых, Бязевых, Охапкиных из районного центра — старинного городка Нерехты, как Борис Сбродов из архангельского леспромхоза, как Николай Стрелков из-под Ярославля, ныне лучший тракторист и кавалер ордена «Знак Почета», как механизатор Вадим Ларин, прибывший издалека по письму.

В разгар нашей беседы с Пахомовым отворилась дверь и вошел плечистый мужчина с широким обветренным лицом. «Борис Михайлович Гусев, лучший наш звеньевой по возделыванию льна,— представил его председатель.— Тоже, кстати, горожанин». Несколько лет назад семья Гусевых перебралась в колхоз «Родина» из районного городка Горьковской области. Муж сел за рычаги трактора, жена стала работать дояркой, вскоре получили двухкомнатную квартиру в домике, построенном колхозом. «Теперь колхоз предлагает квартиру попросторнее, так жена против: на ферму ей, видите, далеко ходить будет. А все-то это наше сельское «далеко» — в пределах километра. Ну, ничего, нам и в старом не тесно,— смеется глава семьи.— А когда сын вернется из армии — глядишь, и поближе что-нибудь построят». Гусев тоже имеет награду — медаль «За трудовое отличие» да еще медаль ВДНХ. Заработки хорошие, жизнью своей в селе доволен. И село им довольно. «Будь все такие, как Сбродов, Гусев, Земсков,— улыбается Пахомов,— тут и председателю делать было бы нечего, колхоз бы сам собой вперед шел...»

Семья Земсковых, между прочим, пожив какое-то время в предоставленной колхозом квартире, построила собственный дом — попросторней, по своему вкусу. Глава семьи — механизатор, мне же довелось беседовать с его супругой, дояркой. У Веры Михайловны Земсковой — мягкий, слегка окающий говор: сразу слышишь — волжанка.

— Точно, ярославские мы,— подтверждает Земскова.— Красные Ткачи — знаете такой поселок? Под самым Ярославлем. Работала я там в магазине, на обувной фабрике, муж — на заводе. Квартира неплохая была — у свекрови жили. Свекровь и сейчас обратно зовет. А мы с мужем — ни в какую: понравилось тут. Работа хорошая, воздух свежий — детям полезно. И свое ма-

ленькое хозяйство держим, с мясом проблемы не знаем...

— И не трудно ли это — и на ферме, и в своем хозяйстве поспевать?

— Так ведь это кому как. Я к труду с детства приучена, в своем-то хозяйстве все вроде бы само собой делается...

Я могу добавить, что ферма, на которой работает Земскова, отнюдь не какой-то сверхсовременный комплекс, там и раздача кормов еще вручную, и сама она никакой не оператор машинного доения, а обыкновенная доярка, чей труд, как известно, нелегок. Но, как видно, самая основательность и надежность жизни в крепком колхозе, на земле Нечерноземья, которая не отличается, может быть, фантастической щедростью, но в трудную минуту не выдаст, сообщает словам Веры Михайловны Земсковой спокойную уверенность и оптимизм.

Еще и еще письма... Уже в адрес Всесоюзного радио — после рассказа о Пахомове и его колхозе. Письма яркие, индивидуальные.

«По профессии я инженер-экономист,— пишет Аделина Спотару из Кишинева.— Мой муж окончил политехникум, работает старшим оператором на ТЭЦ, ударник коммунистического труда. Нам по тридцать лет, у нас двое детей. Мы не хотим жить в городе. Особенно теперь, когда нам дали квартиру в крупнопанельном доме, а над нами живут люди, которые не хотят думать о других, подчиняться каким-то нормам общежития. Раньше мы жили на краю города в маленьком домике с садом и огородом, у нас были и куры, и кролики, но, главное, был спокой, были цветы под окном...»

Сделаю короткую паузу: я ничего не меняю в этом письме, ни единого слова, ни единой запятой, ни единой буковки. Написано все очень грамотно, интеллигентно — и вдруг это народное, сельское: спокой! И мы не ошибемся, предположив, что человек, написавший это пись-

мо, помнит свои деревенские, земные корни! Итак: «Сейчас жизнь наша невыносима. И у меня, и у мужа появились бессонница, невроз. Мы так и не смогли привыкнуть к «комфорту». Конечно, мы пытались что-то сделать, говорили с соседями, обращались в домком — не помогло. Писать, жаловаться — не хотим, не умеем. Мы очень завидуем людям, живущим в селе, особенно если есть лес, река, озеро, ведь это все украшает жизнь. К труду на земле мы привычны — ведь оба мы родились в селе, но сейчас почти все наши близкие родные перебрались в город, и связь с селом у нас потеряна...

Казалось бы, чего проще, переезжайте, если хотите! Поменять большой город на село легко! Но когда мы обратились в компетентные инстанции с этой просьбой, на нас посмотрели как на не совсем нормальных людей и отказали...» Думается, не так уж существенно, что письмо это — не из нечерноземной области, а с благодатного юга. А может быть, наоборот: именно это как раз и существенно! Социальные процессы едины для всей страны, хотя, наверное, имеют свои «местные» оттенки. Вот ведь и на Украине нашел писатель Юрий Хурунжий людей, потянувшихся из городов в село, и «Литературная газета» напечатала его заметки под рубрикой «Новые социальные процессы в современной деревне». Иван Константинович Шпырна, председатель колхоза имени Ленина, что в селе Великая Багачка на Полтавщине, рассказал писателю, что под рукой у него работают люди не только из Полтавы, но и из Харькова, и из Чернигова...

А вот письмо самое что ни на есть «нечерноземное» — со смоленским штемпелем. Автор его не только констатирует факты, но и вносит кое-какие деловые предложения.

«Может быть, давать возможность людям на подходе к пенсии или уже «готовым» пенсионерам получать

в сельской местности участок с правом на этом участке строить дом? Но этот дом и участок не должен в будущем продаваться или передаваться по наследству детям или внукам, которые живут где-то далеко, а сюда готовы приезжать как на дачу. А вот если захотят переехать на постоянное жительство — тогда пожалуйста... Мне кажется, таким путем мы увеличили бы приток жителей в села. Ведь многие просто боятся оторваться сразу от города, а вот будь там, в деревне, родные старики, и они, молодые, приживались бы постепенно и безбоязненно...

И еще: почему бы не предлагать желающим, любящим землю, участки не в 10—15 соток, а побольше? Ведь есть же у нас места, куда и трактора не заедут, а человек трудолюбивый, глядишь, эти участки превратит в чудо. Разумеется, эта земля не должна становиться частной — она останется, как и прежде, государственной, работающие на ней пусть платят определенный налог, для начала им можно предоставить кое-какие льготы. Вот тут-то, мне думается, нашлось бы немало молодых семей, готовых иметь дело с землей, с природой!»

Мысли разнообразные, далеко не всегда бесспорные, но живые, проникнутые жаждой найти деловое, конструктивное решение стоящих перед нами проблем!

И наконец, еще одно письмо — уже из деревни:

«Кто решил переехать из города в сельскую местность, прошу передать адрес, где можно купить новый дом, четырехкомнатный, с высокими потолками, с приусадебным участком. Колхоз наш специализируется как зерновой и животноводческий, есть речка, пруды с рыбой и т. д.».

И далее — адрес с подробным объяснением, как добраться, предварительные условия продажи (цена вполне доступная). Все ясно: человек перебирается из деревни в город. Этот процесс тоже ведь не прекратился,

более того — преобладает пока. Но ведь кому-то, жаждущему работать в селе, в это время отвечают: «Ввиду отсутствия жилья...»

4

Да, в проблему жилья на селе и впрямь сегодня многое упирается, как это ни странно при наличии в Нечерноземье деревень пустеющих и даже вовсе пустых, из числа «неперспективных». Недаром было принято особое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии заводского производства деревянных панельных домов и комплектов деревянных деталей для домов из местных материалов для сельского жилищного строительства: оно бьет, что называется, в самую точку. Предполагается довести производство деревянных домов заводского изготовления до 7,1 миллиона квадратных метров в год к 1985 году, а к 1990 году — до 11 миллионов квадратных метров, комплектов деревянных деталей — соответственно для жилищ общей площадью в 8,5 и 12,2 миллиона квадратных метров. Это грандиозная программа — самый простой расчет показывает, что речь идет о жилье для десятков миллионов человек. Но, как бы значительна эта программа ни была, она одна не дает полного решения задачи. В селе строить надо больше, может быть, даже за счет города, и строить по-разному. Мы много спорили: что лучше для села — многоэтажный дом городского типа или собственный домик? А может быть, напрасно спорили? Может быть, все дело в том, что здесь необходимо не «или», а «и»? Потому что сельчане-то ведь не на одно лицо. Новгородец Марк Леонидович Костров, инженер, путешественник, герой одного из моих очерков и сам литератор, прислал мне почти буквально застенографированный им монолог молодого деревенского новосела из горожан: тот — убеж-

денный сторонник городской квартиры и городского уклада жизни, перенесенного в сельские условия, отрабатывать «второй рабочий день» на приусадебном участке никак не согласен, хотя свои «законные» восемь часов готов трудиться — и трудится — с полной отдачей. Что ж, пусть у него будет такая возможность, по крайней мере, пока молод. А тому человеку из Соликамска, который о свежем огурчике с грядки тосковал, пусть будет облегчена возможность купить или построить свой домик с огородом. Может быть (об этом неоднократно писалось), стоит еще раз подумать о судьбе так называемых «неперспективных» деревень — там ведь немало еще добротного «жилого фонда», который хозяева готовы продать за бесценок: его можно и на другое место перевезти, и на прежнем еще не один десяток лет использовать. Нужно не одно какое-то решение, а широкий спектр вариантов.

— Мне бы хоть пол-избы дали где-нибудь, уж я бы обиходить себя сумел,— говорит человек, сидящий напротив меня в нашем ленинградском корпункте.— Ну и что ж, что мне уже пятьдесят два? На заводе у себя я не последний, а в деревенских условиях, считай, еще лет двадцать людям полезен буду...

— А что ж вы собираетесь делать в деревне, Владимир Алексеевич?

Собеседник даже удивляется:

— Как это что? На ремонте порядок наводить буду!

Владимир Алексеевич Петров — ленинградский рабочий, токарь с «Полиграфмаша». И не простой токарь, а шестого, высшего разряда. Живет с женой и сыном в благоустроенной квартире в новом районе, не раз выезжал с товарищами по работе на уборку, иногда — руководителем группы. И никак не мог смириться с тем, что много еще в селе беспорядка в ремонте и обслуживании техники, часты простои машин. «Верно,— говорит он,—

с запчастями бывает туго, но и на себя поглядеть надо: какова организация! Ведь, случается, на станке работает случайный человек, ответственности никакой. А станочки-то у них, между прочим, вовсе не такие уж плохие, я вон у себя на заводе на «старичке» сорокового года выпуска тружусь, а в совхозных-колхозных мастерских железки поновее, только заезженные до последней степени!»

Трудно поверить, но токарь Петров обошел чуть ли не все ленинградские организации, так или иначе связанные с сельским хозяйством, писал в газеты — и ничего не мог добиться. В конце концов ему предложили совхоз «Ручьи», расположенный в черте города и действительно не страдающий нехваткой людей (зато на работу Владимир Алексеевич мог ездить на трамвае из своей ленинградской квартиры). «Или,— предложили еще,— наводите сами справки, ищите и договаривайтесь с директором совхоза...» Дать конкретный адрес ему не смогли.

И тут я не могу не вспомнить, что большинство изученных мною писем посланы, в общем-то, в случайные адреса и по случайным поводам. Чаще всего повод — это передача по радио и телевидению. Любая такая передача о передовом, преуспевающем хозяйстве рождает если не поток таких писем, то, во всяком случае, живой ручеек.

А бывает и так, как написано в одном письме: «К нам из Ленинграда приезжала женщина и рассказала, что в окрестности есть село, точное название я не помню, адреса она сама не знала, там выращивают курей. Мы всей семьей хотим переехать туда...» Вот так буквально: «одна тетка сказала»! А что, если, думается мне, была бы специализированная служба со своей запоминающейся эмблемой, всем известным адресом, с налаженной информацией и рекламой? Чтобы, к примеру, в зальчике

ожидания какой-нибудь парикмахерской на вокзале и в других местах скопления народа лежали не только затрепанные прошлогодние журналы, но и россыпи красочных рекламных проспектов, не сулящие, допустим, златых гор, но четко и толково информирующие, кто и в каком количестве нужен энскому совхозу энской области и что сам совхоз может им предложить. Чтобы регулярнее и целенаправленнее стали в этом плане те же телевизионные передачи. Впрочем, напридумывать, напрожектировать можно много. И не в том вижу я свою задачу, чтобы давать какие-то рекомендации. Мне хотелось только обратить внимание на *явление*, на *процесс* — не массовый, может быть, но уже достаточно заметный. Он говорит, по крайней мере, об одном: нет, не вывелись в нашей стране люди, тяготеющие к земле, не боящиеся земли, готовые посвятить себя сельскому труду. И коли уж такой процесс имеет место, надо его учитывать, надо подумать о том, как овладеть им, как направить его на пользу нашего общего дела. Ибо по сути своей это процесс всем нам нужный, всем нам желанный.

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Олегович Фоняков

ПЯТЬДЕСЯТ ПИСЕМ ИЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОЙ ПАПКИ

Редактор **О. А. Ермилина**
Художник **О. С. Теслер**
Художественный редактор **М. В. Таирова**
Технический редактор **Р. Д. Каликштейн**
Корректор **Л. В. Конкина**

ИБ № 4057

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 09.09.81. Подп. в печать 28.10.81. А06634. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл печ. л. 2,10. Уч.-изд. л. 2,03. Тираж 30.000 экз. Заказ 363. Цена 10 к. Изд. инд. ХД-418.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012. Москва, пр. Сапунова, дом 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

10 к.

Во втором полугодии 1981 г.
в библиотеке «Писатель и время»
вышли книги:

Богатко С. Зейская быль
Бочарников В. В краю деда Мазая
Воробьев Е. Человек над Ангарой
Закиров И. Крестьянский двор
Корнеев А. Чудо в наших руках
Лихачев Д. Заметки о русском
Панкин Б. Рубежи и книги
Смоляницкий С. Весенняя быль

Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают писатели: М. Алексеев, Ю. Аракчеев, В. Белов, А. Блинов, К. Ваншенкин, Ю. Галкин, В. Гребенюк, А. Зябрев, И. Ирошникова, В. Исаков, В. Кожевников, Г. Коновалов, Г. Машкин, В. Полторацкий, В. Распутин, П. Ребрин, А. Рекемчук, В. Росляков, Г. Семар, Э. Ставский, Р. Хакимов, М. Шагинян, Л. Шинкарев, Е. Яковлев.

Приобретайте книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации, в киосках «Союзпечати».